

Пилецкий Сергей Григорьевич

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЭТОЛОГИЧЕСКОГО И СОЦИО-БИОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДОВ К ИССЛЕДОВАНИЮ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ АГРЕССИВНОСТИ

Статья посвящена одной из самых сложных проблем философской антропологии - проблеме человеческой агрессивности. Она затрагивает в той или иной степени многие аспекты нашего экзистенциального и социального бытия. Автор ставит своей задачей проведение сравнительного анализа двух выдающихся концепций толкования человеческой агрессивности - этологической и социобиологической. Акцент делается на выявлении методологических оснований каждой из них, а также на преемственности этих двух влиятельных подходов и их явных и принципиальных различиях.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/8-2/34.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 8 (22): в 2-х ч. Ч. II. С. 153-156. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/8-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 167.12

Философские науки

Статья посвящена одной из самых сложных проблем философской антропологии – проблеме человеческой агрессивности. Она затрагивает в той или иной степени многие аспекты нашего экзистенциального и социального бытия. Автор ставит своей задачей проведение сравнительного анализа двух выдающихся концепций толкования человеческой агрессивности – этологической и социобиологической. Акцент делается на выявлении методологических оснований каждой из них, а также на преемственности этих двух влиятельных подходов и их явных и принципиальных различиях.

Ключевые слова и фразы: этология; социобиология; проблема агрессивности; социальный инстинкт; «импульс-разрядная модель»; «концентрато-зависимый фактор».

Сергей Григорьевич Пилецкий, к. филос. н., доцент

Кафедра истории и философии

Ярославская государственная медицинская академия

SergeyPiletsky@yandex.ru

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЭТОЛОГИЧЕСКОГО И СОЦИО-БИОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДОВ К ИССЛЕДОВАНИЮ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ АГРЕССИВНОСТИ[©]

Проблема человеческой агрессивности по праву относится к «вечным» философским проблемам. Она пронизывает всю историю человечества, оставляя за собой шлейфом драмы и трагедии отнюдь не только местного масштаба. Эпоха шла за эпохой, возникали и рушились империи, исчезали целые цивилизации, даже шла смена общественно-экономических формаций, а она как была актуальнейшей из актуальных, так и остаётся по сей день. Неподатливость её нейтрализации просто поражает. Вроде бы все спокон веку знают, что её не надо провоцировать, ведают, в чём ключевые моменты её экспоненциального разрастания, из опыта сотен и тысяч поколений понимают чрезвычайную значимость социокультурных факторов её минимизации, но проку из всего этого, по факту, не так уж много. И с относительно недавних пор стало всё более и более очевидным, что традиционно философских подходов к проблеме человеческой агрессивности, во многом умозрительных, оказывается явно не достаточно для серьёзного, не поверхностного, её анализа. И где-то с 60-х годов прошлого столетия к архисложной задаче интерпретации феномена агрессивности подключилась и наука в лице эволюционной биологии. Стали говорить уже о верховенстве сциентистского начала в разрешении данной стародавней проблемы.

Безусловный приоритет попытки сциентистского подхода в деле комплексного изучения агрессивного поведения принадлежит выдающемуся австрийскому биологу-эволюционисту, лауреату Нобелевской премии, Конраду Лоренцу. Причём, надо сказать, что не просто биологу, а именно философствующему биологу. Он создал грандиозную и, на мой взгляд, блестящую модель толкования человеческой агрессивности. И, естественно, проводя свою эволюционистскую линию интерпретации феномена агрессивности, он широко использовал тот этологический материал, который был у него накоплен в многолетней профессиональной деятельности. Это дало уже, в свою очередь, основание многочисленным критикам, в основном из лагеря гуманитариев, обвинить его построения в ущербности методологии, «заточенной» по преимуществу на поиске инвариантов поведения, недопустимой экстраполяции метода аналогии с царства животного мира на весь спектр специфики человеческого существования, непозволительной антропоморфизации образцов животного поведения и многих других «биологизаторских» вольностях. Но при этом, хочу подчеркнуть, что лоренцевская модель, как никакая другая к тому времени, смогла не только комплексно описать большинство аспектов агрессивного поведения, но и дать внятное им объяснение. Во всяком случае, не как некий непостижимый трансцендентальный феномен. Он подчёркивал его спонтанность и кумулятивность, что сравнимо по силе действия с социальным инстинктом [1]. Всё это в совокупности дало повод отнести его концепцию к так называемой «импульс-разрядной модели».

Но затем пришло время социобиологии заявить о себе. И что любопытно: будучи во многом преемниками идей этологии, отнюдь не все из социобиологов были солидарны с К. Лоренцем касательно его интерпретации агрессивности как социального инстинкта. Да и вообще отношение социобиологов в своём большинстве к категории «инстинкт» в её приложении к спектру социальных характеристик человека сдержанно-скептическое. В частности, Дэвид П. Бэрэш в своей книге «Мысли про себя: эволюция и происхождение человеческой природы» пишет следующее: «Много чернил было истрачено на обоснование того, что люди инстинктивно агрессивны. В социобиологическом стиле мышления это положение вторично пониманию того, что агрессивное поведение имеет место лишь тогда, когда оно максимизирует соответствие. Первые довольно грубые теории инстинктов заявляли, что наша потребность действовать в определенной манере нам врожденна и автоматизирована, так что и выход агрессивности, таким образом, неизбежен. Так, этолог Конрад Лоренц полагает, что мы перенаправляем наши агрессивные импульсы в сторону целей, которые более конструктивны или, по крайней мере, менее деструктивны, такие как спортивные соревнования или даже состязания в космических исследованиях. Социобиология, однако, предполагает, что наша наивысшая потребность – максимизация соответствия. И если мы хотим понять, скажем, человеческую агрессивность, нам

бы следовало в первую очередь изучить эволюционные издержки и выгоды, что предоставляет агрессивность при определённых обстоятельствах» [2, р. 171-172].

И далее Дэвид Бэрэш выдвигает очень важный тезис, высвечивающий существо главного разногласия между социобиологами и этологами в отношении феномена агрессивности: агрессивность тогда только будет нести свою эволюционную значимость, тогда только будет закрепляться и переходить из поколения в поколение, если она будет предоставлять её носителям. Вот что он по этому поводу пишет: «В человеческом поведении есть лишь очень немного из того, что автоматизировано или является продуктом предельно упрощённых причин и следствий. Агрессивность – вовсе не результат ни инстинкта, ни неминуемого действия естественного отбора. Для особи агрессия – в высшей степени рискованное занятие и отнюдь не то, что может быть предпринято с лёгкостью. Некоторые из этих факторов коренятся в наших генах. Другие – в окружающей среде, данные нам через опыт. Наши гены как бы “консультируют” нас и дают “добро”, когда агрессия – уместная реакция – и предоставляет нам выгоду. В этом и только в этом смысле агрессивность может считаться инстинктивной» [Ibidem, p. 173].

Вот и Э. О. Уилсон, солидаризуясь с Лоренцем в признании того, что за всю человеческую историю война, представляющая собой не более чем хорошо организованную технику агрессивности, была свойственна всем формам общества, от примитивных охотничье-собираТЕЛЬСКИХ групп до индустриальных государств, всё же не склонен привлекать к её истолкованию базис инстинктивности. В своей книге «О природе человека» он говорит, что теоретики, желающие реабилитировать гены и обвинить человеческую агрессивность, основываясь исключительно на порочности окружающей среды, указывают на то ничтожное количество обществ, которые почти либо всецело миролюбивы. Но они забывают, что врождённость относится к категории измеримой вероятности, когда то или иное свойство будет развиваться лишь при наличии специфического средового «набора», а отнюдь не к категории необходимости, когда свойство будет развиваться при любом средовом окружении. Исключительно миролюбивые народы сегодняшнего дня были выдающимися разрушителями в былом и, вполне возможно, что снова станут поставщиками солдат и убийц в будущем. Среди современных – Кун Сен (бушмены Калахари), жестокость у взрослых практически отсутствует; Элизабет Маршалл Томас очень точно окрестила их «безобидные люди». Но всего пятьдесят лет тому назад, когда эти бушменские популяции были многочисленнее и не находились под строгим контролем центрального правительства, соотношение у них убийств на душу населения приравнивалось к уровню Детройта и Хьюстона. Малайские Семаи демонстрируют ещё большую пластичность. Они не причастны даже самой идее несдержанной агрессии. Убийства им не знакомы. Нет даже точного слова для его обозначения («удар» – наиболее употребляемый эвфемизм). Детей не бьют, а к обезглавливанию курицы относятся как к крайней, достойной сожаления, необходимости. Родители заботливо воспитывают детей именно в этом русле ненасилия. Когда в 1950-е годы семайские мужчины рекрутировались британским колониальным правительством для участия в кампании против коммунистов-партизан, то они даже и не подозревали, что быть солдатом предполагает сражаться и убивать.

Масса людей, знавших Семаи, настаивали, что подобный ненасильственный народ никогда не сможет дать хороших солдат, – писал американский журналист Роберт К. Дентон. Но оказалось, что они очень и очень ошибались.

Террористы убили родственников одного Семаи из страхующего отряда. Взятые из своего ненасильственного общества и поставленные под приказ убивать, они, казалось, ринулись на его исполнение с каким-то умопомешательством, названным, кстати, ими самими «опьянением кровью». Вот типичный рассказ ветерана. «Мы убивали, убивали, убивали. Мы могли бы остановиться и заняться обшариванием карманов, забрать часы или деньги. Мы просто о них не думали. Мы думали исключительно об убийстве. Мы буквально упивались кровью». Один из них даже рассказывал, как он пил кровь только что убитого им человека [4, р. 101].

Тем не менее, Уилсон не расположен соотносить агрессивность с той или иной формой общественного инстинкта. Напротив, он считает агрессивное поведение одной из генетически наиболее лабильных черт, а ответственность за большинство её классов возлагает на перенасыщение среды обитания. По мере роста популяции возрастает и агрессивность. В результате такое поведение побуждает членов популяции распространяться, распределяться в пространстве, что неуклонно повышает уровень смертности и, наоборот, понижает уровень рождаемости. В этом смысле агрессивность, по мнению Уилсона, – «концентрационно-зависимый фактор» по контролю над ростом популяции. По мере того, как усиливается его интенсивность, он действует в качестве клапана для замедления и в итоге для остановки роста численности. Да и вообще агрессивность должна хоть чем-то быть полезной для особей. В противном случае, если она не даёт никакой выгоды, то крайне маловероятно, что она стала бы кодироваться естественным отбором в наследственный поведенческий багаж вида, – не без основания замечает Э. О. Уилсон.

Вот, в частности, что он пишет в своей известной книге «Прометеев огонь: размышление о происхождении разума», написанной в соавторстве с Чарльзом Ламсденом: «Социобиологи достигли существенного прогресса в выяснении тех условий, под действием которых эволюционировало многообразие животной агрессивности. Территориальность – защита пространства средствами угроз схватки проявляется с наибольшей вероятностью, когда некоторая часть жизненного пространства, занимаемого животным, содержит ресурс, запас которого одновременно ограничен и предсказуем в своём месторасположении. Таким образом, если занимаемый участок содержит нормальный запас пищи либо наиболее подходящее место для ночлега, либо если эти ресурсы достаточно скудны, что ограничивает популяционный рост, животные, вероятнее всего, будут стараться завладеть в первую очередь этим пространством. Но при этом защита данной территории должна быть экономически обоснованной; риски для жизни и затраты энергии на её сохранение должны перевешиваться теми выгодами, что предоставляются эксклюзивными правами на её владение» [3, р. 36].

Наиболее неистовые формы агрессивного поведения, полагает Уилсон, отнюдь не проявления врождённых импульсов, периодически прорывающих запретные «дамбы». «Импульс-разрядная модель», созданная З. Фрейдом и К. Лоренцом, указывает он, уступила место более искусной и утончённой интерпретации, базирующейся на взаимосвязи генетического потенциала и научения. Кстати, ясное и отчётливое представление об агрессивном поведении человека как структурированном предсказуемом образце взаимодействия между генами и средой вполне согласуется с эволюционной теорией. Оно как нельзя лучше удовлетворяет оба противостоящих мировоззренческих лагеря в их почтенной полемике «природа или научение?» Как в этой связи не вспомнить не менее почтенную мудрость: философы, как правило, правы в том, что они утверждают, и, как правило, не правы в том, что они отрицают. Так и тут. С одной стороны, верно, что агрессивное поведение, особенно в его наиболее опасных, деструктивных формах, научаемо, но, с другой стороны, не менее верно и то, что научение это подготовлено: мы сильно предрасположены скатываться в пучину иррациональной враждебности и агрессии в определённых обстоятельствах под действием определённых факторов. С поразительной лёгкостью вражда проникает в нас, самоорганизуется, самоподкрепляется, аккумулируется и воспламеняет неудержимые порывы, которые чрезвычайно быстро прогрессируют к психозу и насилию.

Культурная эволюция агрессивности, считает Уилсон, направляется вкуче следующими тремя движущими силами: 1) генетической предрасположенностью к научению определённым формам коллективной агрессивности; 2) необходимостью, навязываемой окружающей средой и воспринимаемой обществом; 3) предшествующей историей группы, склоняющей её в направлении принятия одной культурной нормы в противовес другой. При этом, несмотря на данные, свидетельствующие о том, что биологическая природа человека запустила эволюцию организованной агрессивности и ориентировочно направляла ход её истории, всё же конечный результат, по мнению Уилсона, будет детерминироваться культурными процессами, всё в возрастающей мере контролируемые рациональным мышлением. Практика войн – типичный, «классический» пример гипертрофированной биологической предрасположенности. Люди примитивных обществ раскатывают свой «универсум» на друзей и врагов, реагируя при сем быстро, активно и глубоко эмоционально даже на весьма краткие угрозы, исходящие извне достаточно произвольно устраиваемых границ. С возникновением государства эта тенденция стала институализироваться, война была введена и усвоена в качестве инструмента политики, а те общества, что использовали её наиболее интенсивным и грамотным образом, становились – и в этом трагедия – наиболее преуспевающими. Эволюция ведения военных действий была в своём роде автокаталитической реакцией, не могущей быть остановленной ни одним из народов по причине того, что попытка в одностороннем порядке повернуть вспять этот процесс значила неминуемо самому стать жертвой. Однако как только страны в своём противоборстве доходят до некоего предела, достигают «края обрыва», их лидеры не раз, к счастью, доказывали, что способны принимать здравые решения. Мы можем в этой связи вспомнить «Карибский кризис» 1962 года, когда человечество, без всякого преувеличения, «висело на волоске» над бездной третьей мировой войны, и у тогдашних руководителей СССР и США – Н. С. Хрущёва и Дж. Ф. Кеннеди – хватило мудрости, благоразумия и политической воли этот «волосок» не порвать. А вот Э. О. Уилсон приводит одновременно любопытный и убедительный пример с Маури.

В доевропейские времена новозеландские Маури были среди наиболее агрессивных народов на Земле. Набеги их сорока племён друг на друга были часты и кровавы. Затаенная обида, вражда, месть прочно оседали в памяти племён. Защита своей чести и отвага были наиболее чтимыми нравственными ценностями, а победа силой оружия – высшим подвигом. Союзы базировались по принципу родства: Маури совершенно осознанно и открыто расширяли свои территории за счёт генеалогически более отдалённых линий. Главным эффектом этих территориальных войн была демографическая стабилизация населения. По мере того как группы демографически переполнялись, они расширяли свои владения, изреживая и замещая соперничающие группы. Так что население Маури было своего рода постоянно меняющейся «мозаикой» племенных групп посредством территориальной агрессии, действующей как эколого-демографический контроль.

Однако эта ужасающая «эквilibристика», в конце концов, была порушена и повернута вспять, когда новозеландские аборигены познакомились с европейским огнестрельным оружием. Маури были просто очарованы, заворожены первыми мушкетами, показанными им британскими колонистами. В течение нескольких лет вожди Маури разными путями заполучили-таки объект своего вожделения – ружья – и принялись употреблять их с поразительно-опустошительной эффективностью по своим соседям. Один из них, вождь племени Нга Пухи – Хонги Хики, – купил 300 ружей у британских торговцев и начал свою стремительную карьеру в качестве завоевателя. До своей смерти в 1828 году он и его союзники предприняли многочисленные набеги, в которых уничтожили тысячи и тысячи людей. И хотя их непосредственным поводом и мотивацией была месть за былые поражения, однако размеры компенсации по потерям и территориальному расширению были разительно диспропорциональны. Остальным племенам не оставалось ничего иного, как спешным порядком вооружаться с целью достижения заново паритета в «форс-мажорных» обстоятельствах небывалой эскалации боевых действий.

Однако неистовая гонка вооружений вскоре стала саморегулирующейся, самостабилизирующейся, самосдерживающейся. Даже победители вынуждены были платить слишком высокую, неприемлемую цену. «Пирровы победы», так сказать. Маури обрекли себя на изнурительную, тяжкую трату времени и сил по изготовлению всё больших и больших объёмов льняного полотна и других товаров, которые они могли бы обменять у европейцев на ружья. А для того, чтобы вырастить большой урожай льна, многие из них вынуждены были переселяться в заболоченные низины, где они массами умирали от различных болезней. За период примерно двадцати лет «мушкетной» войны целая четверть всего населения погибла по той или иной причине, связанной с конфликтами. К 1830 году Нга Пухи начали уже подвергать сомнению целесообразность использования батальи в

качестве реализации мести и разрешения конфликтов, а прежние ценности воинской доблести вскоре были преданы забвению. В конце 30-х – начале 40-х годов XIX века все Маури очень быстро и массовым порядком обратились в христианство, а войны меж племенами так же скоро прекратились [4, р. 119-120].

Резюмируя всё вышеизложенное, необходимо с полным на то основанием констатировать, что к какому бы варианту толкования человеческой агрессивности мы ни склонились, в качестве «импульс-разрядной модели» ли, в качестве «социального инстинкта» ли, в качестве «концентрато-зависимого фактора» ли, надо ясно видеть и ясно осознавать как чрезвычайно опасное её «чрево», так и те спасительные потенции, которые при умелом, разумном их развитии не только могут пригодиться, но и вселять определённый, пусть и сдержанный, оптимизм. А вообще-то, что называется, от греха подальше, для не очень и достаточно сильных мира сего следовало бы специально на особой высокой стене высечь аршинными буквами: «Господа, не будите спящую собаку!»

Список литературы

1. Пилецкий С. Г. Мировоззренческая значимость концепции Конрада Лоренца об агрессивности // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 8 (22). Ч. I. С. 160-164.
2. Barash D. P. The Whisperings Within: Evolution and the Origin of Human Nature. N. Y., 1979.
3. Lumsden C. J., Wilson E. O. Promethean Fire: a Reflection on the Origin of Mind. Harvard Univ. Press, 1983.
4. Wilson E. O. On Human Nature. Cambridge – L.: Harvard Univ. Press, 1978.

COMPARATIVE ANALYSIS OF ETHOLOGICAL AND SOCIAL-BIOLOGICAL APPROACHES TO HUMAN AGGRESSIVENESS STUDY

Sergei Grigor'evich Piletskii, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Department of History and Philosophy
Yaroslavl' State Medical Academy
SergeyPiletsky@yandex.ru

The author discusses one of the most difficult problems in philosophical anthropology - the problem of human aggressiveness, substantiates that it, in varying degree, affects many aspects of our existential and social life, sets the task to conduct the comparative analysis of two prominent conceptions of human aggressiveness interpretation - ethological and social-biological ones, and emphasizes the identification of methodological foundations for each of them, as well as the succession of these two powerful approaches, and their obvious and fundamental differences.

Key words and phrases: ethology; sociobiology; problem of aggressiveness; social instinct; “impulse-discharge model”; “concentrate-dependent factor”.

УДК 177.61

Философские науки

В статье рассматривается любовь человека в качестве онтологического условия бытия личности. Основное внимание в работе автор уделяет концепциям любви, созданным философами-персоналистами Э. Мунье и Н. А. Бердяевым. Кроме этого, в статье проясняется смысл любви, подчеркивается, что любовь – это не только субъективное чувство, она имеет и социоонтологические функции: во многом изменяет человеческое поведение, формирует нравы и общественные отношения; метафизический механизм любви как единения Я и Ты заключается в выходе за субъективные пределы.

Ключевые слова и фразы: онтология любви; бытие личности; смысл любви; персонализм; субъективность; коммуникация.

Олеся Александровна Попова

Кафедра теоретической и социальной философии
Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского
Popova-olesya2009@yandex.ru

ЛЮБОВЬ ЧЕЛОВЕКА КАК ОНТОЛОГИЧЕСКОЕ УСЛОВИЕ БЫТИЯ ЛИЧНОСТИ®

Вопрос о бытии личности в современном мире становится как никогда актуальным, ведь человек все больше оказывается практически единственным критерием бытия всех вещей, и в связи с этим проблема соотношения «Я и Другого» приобретает онтологическое значение. Известна мысль о том, что понять бытие можно только исходя из человека и через него. Личность же раскрывается в любви, поскольку в подлинной любви человек познает себя как личность, Другого как равного себе, обоих – как изначально единое, но при этом оставаясь личностью, способной к самораскрытию, главной целью которой является жизнеутверждение.